

— первая среди лучших —

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой
Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори «Всегда»
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!

Шекспир мне друг,
но истина дороже
Вселенский заговор
Вечное свидание
Ждите неожиданного
Селфи с судьбой
Земное притяжение
Призрак Канта
Звезды и Лисы
Девчонки, я приехал!

Сериал «Сценарии судьбы Тонечки Морозовой»

Серьга Артемиды
Пояс Ориона
Камея из Ватикана

Сериал «Писательница Маня Поливанова»

С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Судьба по книге перемен
Роковой подарок

ТАТЬЯНА
Устинова

Там, где нас нет

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Там, где нас нет : повесть и рассказы / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-199909-4

Старый друг погиб, вывалившись из окна, — нелепейшая, дурацкая смерть! Отношения с любимой женой вконец разладились.

Павлу Волкову кажется, что он не справится с навалившими проблемами, с несправедливостью и непониманием.

Волкову кажется, что все самое лучшее уже миновало, осталось в прошлом, том самом, где было так хорошо и которого нынче нет и быть не может.

Волкову кажется, что он во всем виноват, даже в том, что у побирающегося на улице малыша умерла бабушка и он теперь совсем один, а разве может шестилетний малыш в одиночку сражаться с жизнью?..

И все-таки он во всем разберется — иначе и жить не стоит!.. И сделает выбор, потому что выбор есть всегда, и узнает, кто виноват в смерти друга.

А когда станет легко и не страшно, он поймет, что все хорошо не только там, где нас нет. Но и там, где мы есть тоже!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199909-4

© Устинова Т. В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Там, где

нас нет

ПОВЕСТЬ

«Скорая» приехала и забрала труп.

Мрачные люди в синих форменных куртках с желтыми наклейками разложили брезентовые носилки, кое-как перевалили на них Сиротина — одна рука свесилась, и какая-то женщина подоткнула мертвую руку под тело, чтоб не болталась.

Люди в синих куртках не сразу сообразили, как именно повернуть носилки, чтобы можно было засунуть их в распахнутую заднюю дверь, и ворчали друг на друга. Они топтались на месте, месили грязными ботинками снег, которого за день выпало очень много, так и сяк перехватывали носилки с Сиротиным и ворчали друг на друга.

Потом «Скорая» уехала, и милицесская «Газель» с надписью «Дежурная часть» на боку уехала тоже.

— Окна бы надо зашуропливать, — напоследок сказал Волкову толстый розовый

парень из милицейских. — Намертво. А то так и будут бросаться!.. Народ нынче нервный.

Волков посмотрел на него.

— Шурупами прикручивать, — пояснил парень погромче, как будто Волков был глуховат. — Намертво, чтоб не открыть! Особенно на верхних этажах. А то, говорю, так и будут сигать из них. А вам одни неприятности.

Это немислимое слово — «зашурупливать» — намертво засело в волковской голове, и, поднимаясь в лифте на свой этаж, он на все лады его повторял.

Зашурупить — и дело с концом.

Зашурупил — и молодцом!..

Зашурупишь — и по башке не получишь!..

Оставшиеся на работе немногочисленные сотрудники курили на лестнице, когда Волков вышел из лифта.

Они курили, и вид у них у всех был одинаковый, перепуганно-любопытно-опечаленный.

— Чего его понесло на подоконник?.. Восьмой этаж!..

— И еще снег пошел! Конечно, у него рука-то и поехала!

— Зачем он вообще наружу высунулся?! Да еще так далеко?!

— Он на машину свою смотрел! У него сигнализация орала.

— Откуда ты знаешь?!

— Да слышно же! У него сигнализация как сирена милицейская орет! Он еще ей так гордился, когда поставил! И еще секретки какие-то, на руль и под сиденье засунул, чтоб уж с гарантией!

— Эта сигнализация долбаная его и сгубила!

Тут они заметили Волкова и замолчали, как пионеры после отбоя при внезапном появлении в палате вожакого.

— Ну, что там, Павел Николаевич?

Волков пожал плечами.

— Да ничего. Увезли.

— Вот... угораздило мужика под самый Новый год. Господи прости...

— Ребят, надо бы жене позвонить...

И опять все замолчали. Видимо, предполагалось, что жене Сиротина будет звонить Волков.

— А вы его... первый нашли, да, Павел Николаевич?

Это Денис Усков спросил, и все уставились на Волкова.

Волков опять пожал плечами.

Никого он не находил. Он зашел в кабинет Сиротина, наверное, через несколько секунд после того, как тот... вывалился

из окна. Он зашел с каким-то делом — сейчас даже не вспомнить с каким, — и так и застыл посреди холодной захлавленной комнаты, где вечно тягостно воняло застарелым табачным дымом и было так неуютно, как будто хозяин специально старался довести окружающее пространство до состояния хаоса, в котором нормальный человек существовать не может.

Волков удивился, что окно распахнуто так не по-зимнему широко и сквозняк гуляет по комнате, шевелит бумаги на столе, а за столом никого нет!..

И он еще пооглядывался, надеясь обнаружить Сиротина за шкафом или за шторой. А потом подошел к окну и зачем-то выглянул наружу.

Снег летел, и на тротуаре в желтом круге света лежало что-то темное, скрюченное и странно маленькое, незначительное. Волкову и в голову не пришло, что это... Сиротин.

И тут внизу пронзительно и страшно закричала какая-то женщина, и крик ее как будто ударил Волкова в висок. Он сразу понял, что вопль имеет отношение к тому темному, что лежит внизу, в желтом круге света, и к нему, Волкову, тоже имеет отношение.

Случилось непоправимое, страшное, вот что означал этот вопль.

Случилось прямо тут, рядом с тобой.

И изменить ничего нельзя.

Волков смотрел из окна, женщина все кричала, и на тротуаре стала собираться толпа, и в виске стучало все сильнее и сильнее, и тут он понял, что должен идти вниз.

Беда случилась, и он, Волков, должен ее... принять.

И он пошел «принимать» беду.

На затертом ковре — когда делали ремонт, Сиротин не дал его выбросить, нес какую-то чепуху, что ковер, мол, с ним прошел все прежние работы и он его с собой заберет, когда на пенсию выйдет, — таяла бляшка нечистого снега. От нее свет настольной лампы отражался.

Такие бляшки обычно приносят на подошвах ботинок.

Ну да, все правильно. Снег пошел, теперь все будут таскать его на подошвах до самой весны.

Волков посмотрел тогда на подтаявший снеговой отпечаток и сквозь ломающую кости боль в виске подумал, что к Сиротину, должно быть, кто-то заходил. Должно быть, минуту назад, вот и снег еще не растаял! Кто-то заходил и разговаривал с ним, ■

и Сиротин все еще был Сиротиным, а во все не тем неподвижным телом, вокруг которого на тротуаре собиралась толпа и над которым голосила невидимая сверху женщина.

А потом оказалось — нет, никто не заходил.

Волков это очень отчетливо запомнил.

Тот самый, розовощекий, молодой и полнокровный из милиции опрашивал сотрудников, и в результате опроса выяснилось, что к Сиротину в этот вечер никто не заходил.

Выяснилось, что он сидел, работал, хотя время уже позднее было, а потом сигнализация у его машины заорала, и он полез на подоконник, чтоб посмотреть, что там с ней происходит, и в случае чего прямо с восьмого этажа шугануть гопников, которые вполне могли возле нее отираться.

Сиротин очень любил свою машину. Он купил ее по осени и надоел всем невыносимо рассказами о ее необыкновенных ходовых качествах, кнопках, которые открывают окна, и кнопках, которые включают печку или, наоборот, кондиционер, что ли!.. Он все рассказывал, как ездил «с супругой» в салон, и она говорила, что надо ту купить, а он, Сиротин, утверждал,

что эту, и выбрали именно эту, и он, Сиротин, очень своим выбором доволен.

Никогда раньше у него не было иностранной машины, а теперь вот появилась.

Она появилась, и Сиротин из-за нее взял и вывалился в окно.

Как глупо. Как невыносимо глупо.

Машина стояла почему-то за углом здания, хотя он всегда ставил ее к самому подъезду, заранее приезжал, чтобы место не заняли. Чтобы сейчас увидеть ее из окна, нужно сильно высунуться, чуть не до пояса!..

Ну, вот он и... высунулся.

Нога поехала, рука не удержала, откос алюминиевый, наледь, снег пошел — впрочем, Волков слушал плохо.

— Павел Николаевич, вы слышите?

— А?

Он вдруг очнулся и посмотрел по сторонам.

Сотрудники — все пятеро! — смотрели на него болезненно и жалостливо, как будто он и есть труп.

— Ничего, все в порядке, Маша, — сказал Волков, обращаясь почему-то именно к Даниловой. — И вообще по домам давно пора. Завтра рабочий день.

— Павел Николаевич, давайте я его же не позвоню, — предложила Маша в порыве

ве деятельного сострадания. — Все равно кому-то придется, а у вас вид совсем... неважный.

— Неважный, — согласился Волков.

Он проработал с Сиротиным лет десять и был решительно... не готов к тому, что тот вдруг вот так выпадет из окна. И разобьется насмерть.

Так не бывает.

Или бывает?..

— Я могу позвонить, — предложил Денис. — Езжайте домой, Павел Николаевич!

— Всем спасибо, — сказал Волков чуть громче, чем следовало, и голос его, отразившись от стен, ухнул прямо в лестничный пролет старого московского дома, — Зине я позвоню сам. Никаких действий предпринимать не нужно. Завтра постарайтесь много не болтать.

Подчиненные вразнобой покивали.

Просьба была глупа.

«Болтать» они начнут уже сегодня, как только докурят, проводят домой удрученного шефа и доберутся до своих мобильных телефонов!..

Волков взялся за ручку двери, потянул и остановился, вспомнив про снег на вытертом ковре, прямо в самой сердцевине трудноопределимого пыльного шерстяного цветка.

Кто-то же заходил к Сиротину перед самой его гибелью! И этот кто-то оставил след — бляшку тающего спрессованного снега.

— Ребята, — спросил он с тоской, — а кто заходил к Николаю Ивановичу? Ну, как раз часов около девяти?

Вся пятеро опять переглянулись, и по лицам у них прошла волна сочувствия к шефу, у которого явно появилась какая-то навязчивая идея.

Ничего, кроме сочувствия, Волков не заметил, хотя смотрел внимательно.

— Никто не заходил, Павел Николаевич, — это опять Маша Данилова выступила первой, казалось изо всех сил стараюсь помочь ему в трудную минуту. — Ну, нас же всех спрашивали, кто когда в последний раз его видел! Я днем видела, когда он куда-то на встречу поехал! Я еще спросила — куда это вы собрались, Николай Иванович, сейчас самые пробки начнутся! Туда еще, может, доедете, а обратно точно нет! Новый год на носу, вообще все движение встало!

— Да, я сегодня на работу три часа ехал, — поддержал ее Игорь Осипов. Он всегда и во всем поддерживал Машу Данилову. — Думал, брошу машину к черту и пешком пойду!

— А я...

И они, наверное, заговорили бы о пробках, если бы не Волков, который болезненно морщился от каждого вновь сказанного слова, как будто это были не слова, а гвозди, которые его сотрудники заколачивали ему в череп, и они это в конце концов заметили.

— Я тоже не заходил, — торопливо сказал Денис. — Мне отчет сдавать, я весь день писал и Николая Ивановича вообще не видел...

— А я с ним курить ходил, — вступил Виталий Камаровский. — В коридоре мы встретились, да и пошли на лестницу. Ну, покурили и разошлись. Он к себе пошел, а я к себе.

И они переглянулись с Лешей Рыбалко, который ничего не сказал, а только пожал плечами и pokrutil головой. Таким образом он, очевидно, хотел сказать, что к Сиротину тоже не заходил.

Никто не заходил!..

Что это может означать? Что снег на ковре Волкову померещился, что ли?!

Собираясь домой в темном кабинете — почему-то у него не было сил зажечь свет, — Волков думал, как будет звонить Зине Сиротиной и что станет говорить, и еще он думал почему-то про ковер, с которым Си-

ротин собирался на пенсию выйти, а Волков ему говорил, что до пенсии они не доживут, у них работа вредная.

Сиротин и не дожил.

Ужасная глупость.

Эта самая глупость никак не укладывалась у Волкова в голове, он все вспоминал, как утром они разговаривали, и вчера тоже разговаривали, и планы у них какие-то были, и сердились они друг на друга.

Они вечно друг на друга сердились!

Сиротин, отставной полковник, имел о жизни совершенно четкие, ясные и, главное, разительно отличающиеся от волковских представления о жизни.

А теперь и жизни не стало — какая разница, какие у кого были о ней представления!..

Волков не стал звонить с работы, и из дому звонить ему не хотелось, и он долго сидел в машине, собирался с силами, а потом позвонил Зине.

Он поговорил с ней, как мог, так и поговорил, а потом опять сидел, уставившись в лобовое стекло, по которому почему-то елозили дворники, хотя снег давно перестал.

Когда он открыл дверь, в теплых и чистых глубинах коридора показалась Юля,

постояла, посмотрела, как он снимает ботинки, и ушла.

Волков не стал ее останавливать.

Он медленно прошел в ванную, потом долго сидел на краю ванны, старательно думая только о том, как устал, не позволяя себе думать о Зине и о Сиротине, которого никак не могли засунуть на носилках в распахнутую дверь «Скорой».

А потом оказалось, что воды нет.

Кран сипел, засасывая воздух, и Волков постучал по нему и пальцем поковырял, но ничего не изменилось. Кран только сипел, и этот унылый звук, как будто последнего дыхания, был совершенно невыносим. Волков долго не мог придумать, что сделать, чтобы этот звук затих.

Пришла Юля и завернула кран. Стало тихо.

— Если бы ты приехал утром, наверное, воду бы уже дали, — четко выговорила она, так же четко повернулась и вышла.

Волков проводил ее взглядом.

Почему никто так и не признался, что заходил к Сиротину перед тем, как тот вывалился из окна?! Ведь кто-то же точно заходил.

Волков закрыл глаза и заставил себя вспоминать.

Т. Устинова

■ Ну да. Все точно. Он вошел, постоял,

посмотрел, удивляясь, что окно распахнуто. Свет отражался от тающего на ковре снега. Ничего ему не померещилось!..

Вдруг зазвонил телефон, и Волков втянул голову в плечи. Достав аппарат, он долго смотрел на него, собираясь с силами, чтобы ответить, и мечтая только об одном — чтобы он перестал звонить.

Он не переставал, и Волков точно знал, что не ответить он не может.

И он ответил.

Когда он вышел из ванной, свет в квартире был потушен, даже слабая ночная подсветка идиотского круга на потолке, придуманная дизайнером, и та не горела.

Шаркая и спотыкаясь, Волков добрел до спальни, где тоже было темно.

Темнота излучала враждебность, как будто искрила.

Волков разделся и лег, словно нырнул в омут этой самой враждебности. Он лег и вытянул руки поверх одеяла, изо всех сил стараясь случайно не коснуться того, чего никак нельзя касаться.

Так он лежал долго.

— Зачем ты приехал? — спросили из темноты, и враждебность, казалось, запульсировала.

Волков покосился во враждебную сторону и слегка пошевелил пальцами, чтобы

разогнать ядовитое облако, надвигавшееся на него. Разговаривать не было сил.

Зато очень было жалко себя.

«Ну, может, на сегодня уже хватит, а? Ну хотя бы на сегодня?! Ну пожалейте вы меня кто-нибудь, смилуйтесь надо мной!..»

Но, видимо, помилование сегодня не предполагалось. Может, депеша запоздала? Или ее позабыли отправить?..

Он надеялся отмолчаться, хотя понимал, что из этого ничего не выйдет.

И не вышло.

— Ночевал бы там, где был до трех часов, — сказали из ядовитого облака. — Чего туда-сюда метаться!..

— Я был на работе.

— А-а. Ну, значит, на работе и заночевал бы.

Волков лежал и смотрел в потолок, по которому плавали тени. Интересно, откуда тени на потолке?..

Когда он был маленький, на потолке всегда были интересные тени. Пиратский корабль. Еще космонавт в шлеме, он получался почему-то, только если мама неплотно прикрывала дверь. А когда плотно, космонавт исчезал, зато появлялся верблюд, очень грустный. Маленький Волков не любил верблюда. Больше всего он любил корабль, и ему хотелось мчаться на нем по